

Обосновавшись в новом гнезде, Лю Чжэньцин практически не покидал своего двора. После стольких лет изнурительных трудов ему наконец-то выпал шанс перевести дух, и он, разумеется, предавался ленивому покою.

Обычно, едва солнце поднималось к зениту, он укладывался на кушетку в саду, укрывшись пледом, и грелся под теплыми лучами. Стоило прикрыть глаза — и он снова погружался в сладкую дрему. От бесконечного сна все кости в теле, казалось, превратились в кисель.

Но сегодня все пошло иначе.

С самого утра раздался стук. Цзиньли пошел открывать и, заведя на пороге второго дворецкого, мгновенно насупился.

— Сегодня пятнадцатое число, — учтиво произнес вошедший. — Я пришел пригласить старшего молодого господина в главный зал.

Лицо Цзиньли мгновенно изменилось. Не будь этот человек выше его по положению, слуга непременно плюнул бы ему прямо в физиономию.

Детей в семье Лю с малых лет обучали ведению торговых дел. Каждое пятнадцатое число месяца в усадьбе наступал день, когда старшие устраивали младшему поколению строгую проверку.

Все в усадьбе знали, что старший молодой господин Лю Сяочжу обделен талантом к коммерции. Каждое пятнадцатое число оборачивалось для него публичным позором: двое младших кузенов с легкостью затмевали его во всем. Цзиньли надеялся, что в этот раз из-за особых обстоятельств молодого господина оставят в покое. Но то, что второй дворецкий явился лично, было явной, намеренной пакостью.

— Второй дворецкий, вы, должно быть, шутите? — натянуто улыбнулся Цзиньли. — Наш молодой господин все еще восстанавливает силы после болезни!

Второй дворецкий согнулся в притворном поклоне:

— Лекарь уверяет, что старший молодой господин полностью здоров. Второй и третий молодые господа уже на месте. Все ждут только вашего хозяина.

Цзиньли уже открыл рот для возражения, как вдруг со двора донесся легкий, непринужденный голос:

— Чего это все ждут меня?

Цзиньли испуганно округлил глаза и принялся отчаянно подмигивать Лю Чжэньцину. Однако второй дворецкий бесцеремонно протиснулся мимо слуги во двор и с приторной улыбкой изложил суть дела.

— Наш молодой господин потерял память! — тут же заслонил хозяина плечом Цзиньли. — Уверен, старый господин не станет требовать от него невозможного. Пожалуй, я прямо сейчас пойду и спрошу у главы семьи его мнение!

Второй дворецкий натянул на лицо фальшивую улыбку:

— Молодой господин обучался этому с детства. Подобные знания въедаются под кожу. Возможно, эта проверка как раз поможет ему все вспомнить.

Лю Чжэньцин приподнял бровь:

— Дедушка тоже там?

— Разумеется, — подтвердил второй дворецкий.

— Отлично. Идем.

Дворецкий расплылся в довольной улыбке и поспешил указать дорогу. Цзиньли в тревоге засеменил следом за Лю Чжэньцином, шепча на ходу:

— Господин, они же нарочно! Спят и видят, как вы опозоритесь, зачем вы согласились?!

— Вот как? А мне как раз нужно поговорить с дедушкой, — безразлично отозвался Лю Чжэньцин.

Цзиньли едва не плакал от досады:

— Господин! Ну разве можно выбирать для этого такое время? Стоит войти в главный зал, и вы уже не сможете отказаться. Там же соберутся все ведущие управляющие торгового союза семьи Лю! Если вы...

— Они что, только сегодня узнали, что старший молодой господин не силен в коммерции? — покачал головой Лю Чжэньцин. — Приду и прямо скажу, что ничего не смыслю в этом.

Цзиньли поперхнулся. Ему показалось, будто у молодого господина напрочь исчезло всякое тщеславие. Прежде он хотя бы злился и стыдился своих неудач.

— И вовсе вы не бесталаный! — обиженно пробормотал слуга. — Просто второй и третий господа нанимают лучших управляющих, чтобы те тайно натаскивали их сыновей. А у вас наставника не было, вот вы каждый раз и проигрывали.

После нескольких крупных поражений над молодым господином стали насмехаться так часто, что он окончательно растерял уверенность и забросил семейное дело. Жалобы Цзиньли Лю Чжэньцин пропускал мимо ушей.

Какое ему дело? Он ведь не настоящий Лю Сяочжу. Просто сегодня был идеальный день для того, чтобы отлучиться из усадьбы, но из-за недавнего похищения дед запер его дома. Чтобы вернуть свободу передвижения, Лю Чжэньцину волей-неволей пришлось идти на поклон к старику.

Когда они втроем подошли к главному залу, навстречу им как раз вышел дворецкий Фу. При виде неожиданных гостей его лицо дернулось, но предупредить Лю Чжэньцина он уже не успевал. Дворецкому Фу оставалось лишь наградить второго дворецкого испепеляющим взглядом.

— О, а вот и старший брат пожаловал! — раздалось из зала.

— Похоже, брат все-таки решил пройти испытание вместе с нами.

Лю Чжэньцин заглянул в зал. Множество людей, стоявших внутри, разом повернулись к дверям.

Особенно забавными ему показались взгляды двух новоявленных кузенов — во Втором и Третьем молодых господах читалось столь нетерпеливое ожидание, что непосвященный свидетель мог бы принять это за проявление глубокой братской любви.

Остальные присутствующие тоже разглядывали Лю Чжэньцина.

Сегодня старший молодой господин выглядел совершенно иначе, нежели прежде. На нем не было привычной аляповатой мишуры и кричащих украшений: простое одеяние из сине-зеленого шелка под легкой накидкой цвета первого снега подчеркивало его стройную, как молодой бамбук на ветру, фигуру. Без золотого блеска наконец-то открылась его истинная, благородная красота, а в каждом жесте и взгляде сквозили непринужденность и редкое изящество.

Все ожидали увидеть робкого и растерянного юношу, лишившегося памяти, но этот статный молодой человек немало удивил собравшихся.

— Я как раз собирался отправить дворецкого Фу предупредить тебя, чтобы ты оставался у себя, — заговорил первым старый господин Лю. — Твоя память еще не восстановилась, так что

сегодняшнюю проверку ты можешь пропустить.

В глубине души дед все же жалел внука. Он стремился держать его в строгости, но не желал, чтобы тот, едва оправившись после смертельной опасности, снова терпел унижения на глазах у посторонних. Потому старик и поспешил дать ему достойный предлог уйти.

Однако остальные не собирались упускать возможность потешить самолюбие.

— Отец, дай племяннику шанс, — тут же вставил слово второй господин Лю. — Кто знает, вдруг на этот раз у него все получится?

— Он всего лишь потерял память, разум-то при нем. От одной попытки убытка не будет, — язвительно поддакнул третий господин Лю.

Некоторые управляющие, привыкшие держать нос по ветру, поспешили угодливо закивать:

— Верно, верно! Пусть старший молодой господин попробует. В прошлый раз он показал неплохие успехи.

— Да и задания сегодня не столь сложны. Уверены, молодой господин справится.

Стоило переступить порог этого зала, как человека тут же затягивало в водоворот чужих интриг. Лю Чжэньцин еще в тот момент, когда к нему явился второй дворецкий, прекрасно понял их замысел: им не терпелось убедиться, что старший внук после потери памяти окончательно превратился в ничтожество.

Второй и третий дяди хотели наглядно продемонстрировать неспособность Лю Сяочжу управлять делами, а старейшины торгового союза присматривались к нему, дабы ненароком не примкнуть к проигрышной стороне.

Лю Чжэньцин в этой игре был лишь ярмарочной обезьянкой, выставленной на потеху публике.

Впрочем, самого его это нисколько не задевало. Он спокойно произнес:

— Благодарю за заботу, господа. Но после перенесенного потрясения я напрочь позабыл, как сверять счета. Так что пусть сегодня свои таланты показывают мои младшие братья.

Собравшиеся не ожидали от него столь прямолинейного признания, и по залу прошелестел шепот. На лицах отразилось недоумение. Второй и третий молодые господа даже не попытались скрыть презрительных смешков, решив, что старший брат попросту трусливо бежит от позора.

Лицо старого господина Лю потемнело. Такие слова при посторонних не сулили ничего хорошего: признав свою несостоятельность перед всеми управляющими, внук собственноручно ставил крест на праве унаследовать семейное дело. Подобная глупость вмиг развеяла остатки дедовской жалости, сменив ее на глухое раздражение.

— На самом деле я пришел лишь для того, чтобы попросить у бабушки разрешения отлучиться, — с вежливым поклоном обратился к нему Лю Чжэньцин. — Я слишком долго просидел в четырех стенах. Могу ли я ненадолго выйти в город?

— Мы до сих пор не знаем, кто пытался тебя похитить! — ворчливо отрезал старик. — А если на тебя снова нападут? Сиди дома и не высывайся!

Вместо того чтобы взяться за ум, этот бездельник только и думал о развлечениях! Какое легкомыслие!

— Если даже столичная управа никого не нашла, неужели мне теперь до конца дней запереться в усадьбе, боясь собственной тени? — тихо усмехнулся Лю Чжэньцин. — Если бабушка беспокоится, я могу взять с собой побольше охраны.

Видя, что внук даже после амнезии остался все тем же ветреным малым, не понимающим элементарных вещей, старик окончательно исчерпал остатки терпения.

— И слушать не желаю! Вместо того чтобы шататься без дела, шел бы лучше учиться сводить счета! Твои братья сейчас приступят к делу, а ты садись рядом и смотри внимательно. Мотай на ус!

Получив столь решительный отказ, Лю Чжэньцин мысленно вздохнул. Ему непременно нужно было выйти именно сегодня — промедление могло разрушить все его планы по побегу из этого дома.

— Если я дождусь окончания их проверки, смогу ли я уйти? — спросил он, бросив беглый взгляд на стопки grossбухов, разложенные на столах.

Если эти двое будут возиться со счетами в обычном темпе, уйдут часы. Успеет ли он?

От такой дерзости у старика едва челюсть не свело от злости, а присутствующие лишь презрительно переглянулись, лишний раз убеждаясь, что перед ними законченный бездельник.

Старый господин Лю резко повернулся к дворецкому Фу:

— Усади старшего молодого господина на место!

Затем он с грохотом опустил на стол личную нефритовую пластину-пропуск и прорычал:

— Так сильно приспичило уйти? Хорошо! Если сумеешь разобраться с этой стопкой счетов быстрее своих братьев — катись на все четыре стороны!

Эти слова прозвучали как окончательный приговор. В пылу гнева старейшины никто не смел перечить главе дома, но на лицах родственников из второй и третьей ветвей расплылись злорадные улыбки.

Дворецкий Фу с сочувствием увлек Лю Чжэньцина к свободному столу и тихонько шепнул на ухо:

— Молодой господин, умоляю, присядьте и делайте вид, что заняты делом. Не злите главу рода еще сильнее. Если вам так нужно уйти, попросите его через пару дней, когда он остынет. Но сегодня об этом лучше забыть.

Лю Чжэньцин уже и забыть успел, каково это — выслушивать нагоняи от старших. Ощущение было непривычным.

Опустившись на стул, он лишь беззвучно улыбнулся на уговоры дворецкого Фу. Он вовсе не собирался испытывать терпение старика, просто обстоятельства сложились крайне неудачно. До этого Лю Чжэньцин полагал, что дед давно махнул рукой на непутевого внука — взять хотя бы историю с отравлением, виновницу которой, вторую невестку, дед лишь мягко пожурил и отправил в монастырь молить богов о прощении. Но, похоже, в груди старого купца все еще теплилась надежда воспитать достойного преемника, сменяясь теперь горькой обидой за его никчемность.

Едва зажгли благовонную палочку для отсчета времени, двое младших кузенов тут же склонились над бумагами. Они яростно защелкали костяшками счетов, выверяя каждую цифру и ревностно косясь друг на друга — каждому хотелось закончить первым.

Поскольку старший брат давно не принимался в расчет, главным соперником для каждого оставался кузен. Но стоило им войти в раж, как по залу разнесся отчетливый, стремительный шорох переворачиваемых страниц.

Оба юноши недоуменно вскинули головы, ища нарушителя спокойствия. К их изумлению, за третьим столом вальяжно восседал Лю Чжэньцин. Одной рукой он небрежно крутил сухую кисть между пальцами, а другой с невероятной скоростью листал гроссбух, словно читал по диагонали. Его расслабленная, наглая поза вызывала лишь раздражение — казалось, для полноты картины ему не хватало только закинуть ноги на стол и потребовать кувшин хорошего вина.

Сказать по правде, не будь вокруг столько свидетелей, Лю Чжэньцин так бы и поступил. В былые времена, когда дела в императорском дворце прижимали его к стене, он именно так и

спасался от суеты.

— Больной, — тихо буркнул второй молодой господин Лю.

— Только глаза мозолит, — отозвался третий.

Мысленно выругавшись, кузены вернулись к расчетам, однако назойливое шуршание страниц продолжало сбивать их с мысли.

Остальные присутствующие тоже заметили столь странное поведение старшего молодого господина. Они лишь удрученно покачивали головами.

«Неужто он настолько глуп, что воспринял слова старика буквально?» — думали они.

Кто же проверяет счета, просто перелистывая страницы одну за другой? И впрямь, безнадежный глупец. Прежде он был просто неумехой, а теперь, похоже, окончательно лишился рассудка.

Собравшиеся переглядывались с плохо скрываемым презрением. Старшая ветвь семьи Лю пала окончательно, надеяться там больше было не на кого.

Второй и третий господа Лю, напротив, глядя на эти кривляния, заметно повеселели. Если племянник останется таким ничтожеством, они не пожалеют крох с барского стола, чтобы содержать этого нахлебника.

Дворецкий Фу и Цзиньли безуспешно пытались подать ему знаки. По их мнению, уж лучше бы молодой господин просто мирно спал, уткнувшись в стол, чем устраивал это представление. Достаточно было взглянуть на лицо старого господина Лю — оно уже налилось багровым гневом. Подобное отношение к главному ремеслу семьи Лю граничило с кощунством. Не будь внук болен, его бы уже выволокли во двор и выпороли розгами.

Шорох переворачиваемых страниц действовал всем на нервы.

Наконец двое младших братьев почти одновременно отложили первые grossбухи. Скорость их вычислений была практически равной. Они обменялись соперничающими взглядами и потянулись было за вторыми книгами, как вдруг сбоку раздался ленивый, слегка растягивающий слова голос:

— Дедушка, я закончил с этой стопкой.

Да разве это можно было назвать проверкой? Он просто пролистал книги от корки до корки. Присутствующие едва удержались, чтобы не закатить глаза. Кажется, сурового наказания

старшему молодому господину сегодня точно не избежать.

Старик Лю в ярости поднялся со своего места. Второй и третий господа тут же бросились к нему, делая вид, что пытаются успокоить разгневанного отца.

— Племянник еще не пришел в себя, не судите его строго, — вкрадчиво произнес второй дядя.

— Отец, не губите свое здоровье из-за этого недоумка! Если он так провинился, просто накажите его как следует, иначе он никогда не возьмется за ум, — поддакнул третий.

Управляющие тоже запричитали вразнобой. Кое-кто даже осмелился подойти к Лю Чжэньцину, качая головой и пытаясь поучать: мол, молодой господин, счета требуют усердия, их нельзя просто листать ради забавы.

Но, как это часто бывает, чужие уговоры лишь подливали масла в огонь дедовского гнева.

— Закончил?! — задрожал от ярости старик Лю. — И как же ты проверил их?! Посмотри на своих братьев, они до сих пор...

Он не успел договорить. Лю Чжэньцин, подперев подбородок ладонями, небрежно перебил его:

— Ошибки закрались в отчеты ресторана Благоприятных Облаков, постоянного двора «Счастье», третьего отряда торгового каравана Лю, Цзяннаньской шелковой мастерской, верфи прибрежного судостроения и второго участка водного пути Тинцзян. Недостача составляет три тысячи триста пятьдесят лянов, тысячу двести шестьдесят лянов и девять ценой, семьсот шестьдесят пять лянов и восемь ценой, двести семьдесят восемь лянов, ровно пять тысяч лянов, а также шесть лянов и семь ценой соответственно.

Едва затих его голос, как в зале воцарилась гробовая тишина. Все замерли, ошарашенно уставившись на юношу.

Второй и третий молодые господа Лю оцепенели еще в тот момент, когда он упомянул первый пункт. Ведь они сами только-только закончили сводить баланс ресторана Благоприятных Облаков и обнаружили там расхождения. Но рассчитать точную сумму ущерба с такой скоростью и точностью они бы ни за что не сумели.

Разумеется, эти грессбухи были заранее проверены опытными счетоводами усадьбы и подготовлены специально для экзамена. В десяти томах скрывалось ровно шесть ошибок: четыре лежали почти на поверхности, но оставшиеся две были запрятаны так искусно, что обнаружить их считалось верхом мастерства. Да и просто найти все нестыковки для молодых господ было бы величайшим достижением, не говоря уже о безупречном подсчете сумм.

И вдруг этот признанный бездарь без запинки выложил готовые ответы. От подобного зрелища

у любого бы волосы встали дыбом.

«Да в него что, бес вселился?!» — в ужасе подумал каждый из присутствующих.

Присутствующие лишились дара речи. Первым опомнился третий дядя, взревев на весь зал:

— Кто слил ему ответы?! Кто посмел выдать решение заранее?!

Этот обвиняющий выкрик заставил всех почувствовать крайнюю неловкость. Ведь эти книги были отобраны старейшинами буквально перед началом проверки из множества других архивных документов. Никто физически не мог знать содержание задач заранее.

Второй дядя тоже помрачнел, недоверчиво бормоча:

— Быть не может... Здесь явно кроется какой-то подвох! Разве его расчеты верны?

Он оглядел стоявших вокруг управляющих, но никто из них не проронил ни слова. Ни один человек не посмел возразить. Неужели этот негодник назвал все цифры с точностью до единого медного гроша?

Один из самых старых и уважаемых управляющих с побледневшим лицом шагнул вперед и тихо спросил:

— Старший молодой господин... как вам удалось это выяснить?

— А что, я ошибся? — невинно поинтересовался Лю Чжэньцин. — Я считал в уме и очень спешил. Неужели где-то допустил оплошность по невнимательности?

«Неужели мои навыки притупились?» — закралось сомнение.

В прошлой жизни, когда он заведовал императорской казной в Министерстве финансов, он не допускал ни единой ошибки. Что уж говорить об этих простейших учебных счетах, подготовленных для испытания юнцов.

— Нет... Все сошлось. До последнего медяка, — глухо выдавил старый управляющий, растерянно посмотрев на главу рода.

Глаза старого господина Лю в этот момент округлились до предела.

— Ты... ты ведь просто мельком взглянул! Постой, ты же сам утверждал, что позабыл... — от пережитого потрясения старик едва подбирал слова.

Лю Чжэньцин озадаченно почесал затылок, изображая крайнее простодушие:

— Да я и сам удивлен. Стоило взять книги в руки, как пальцы и голова сами все вспомнили. Раз уж я справился, дедушка ведь сдержит свое слово? Могу я теперь пойти по своим делам?

Старый господин Лю беззвучно хватал ртом воздух, не в силах вымолвить ни слова.

Не давая деду опомниться и передумать, Лю Чжэньцин ловко сгреб со стола нефритовую табличку, отвесил безупречный поклон и, увлекая за собой онемевшего Цзиньли, покинул зал, оставив за спиной толпу потрясенных родственников и слуг.

Лишь когда они миновали главные ворота усадьбы в сопровождении пары телохранителей, Цзиньли наконец обрел дар речи:

— Господин! Как вы... что это сейчас было?! Вы же никогда в жизни не считали так быстро! Управляющие рты пооткрывали, у второго и третьего господ глаза чуть из орбит не вылезли, а у старого хозяина даже руки затряслись! О небеса, это наверняка ваши покойные родители благословили вас с того света, ниспослав такое озарение!

Лю Чжэньцин понимал, что поддался сиюминутному порыву и по возвращении его наверняка ждет серьезный разговор. На самом деле в тех грессбухах скрывалось куда больше неучтенных дыр, о которых старик Лю, скорее всего, даже не догадывался. Но раз уж он твердо решил держаться в стороне от семейных дел, лезть со своими советами не собирался. Главное — цель достигнута, а в этой усадьбе он все равно задерживаться не планировал.

Глядя на ликующего, размахивающего руками слугу, Лю Чжэньцин невольно улыбнулся. Именно так и должен реагировать преданный человек. В былые времена, когда он пытался хвастаться своими успехами перед близкими друзьями, один лишь тяжело вздыхал, а вторая демонстративно закатывала глаза, напрочь лишая его возможности покрасоваться.

«Чжэньцин, ты ведь только что клятвенно обещал вести себя тише воды ниже травы...» — Хо Фэйхань качал головой.

«Хо Фэйхань, когда его в следующий раз примутся колотить, даже не вздумай вмешиваться. Пусть знает, как...» — язвительно вторила ему Ли Синжо.

«Старший брат, младшая сестра, вы ничего не понимаете! Мой прием называется "прощупать почву"!»

Хо Фэйхань лишь молча разводил руками.

«Хватит оправданий, — отрезала Ли Синжо. — Тебе просто не терпится получить на орехи, вечно ищешь приключений на свою голову!»

«Ох, как тяжела жизнь, повсюду лишь упреки и непонимание... Неужели все наши годы дружбы были ошибкой?»

Цзиньли еще долго что-то увлеченно рассказывал, пока не заметил, что его господин лишь тихо улыбается собственным мыслям. В его взгляде сквозила такая теплая, искренняя радость, какой слуга никогда прежде у него не видел.

— Господин, куда же мы теперь направимся?

Лю Чжэньцин очнулся от воспоминаний:

— В самое крупное игорное заведение Императорской столицы.

— В игорный дом Лунсин?

Лю Чжэньцин заговорщицки подмигнул. Значит, он все еще процветает.

Тем временем в другом конце города старый дворецкий генеральского поместья поспешно вбежал во двор Хо Фэнле. Как он и ожидал, генерал сидел под тенью векового дерева, погрузившись в созерцание.

Длинный меч покоился на его коленях. Фигура мужчины, застывшая в безупречной позе, напоминала старинный бронзовый колокол, сливающийся воедино с угасающим днем. От него веяло таким леденящим холодом, что даже птицы не осмеливались садиться на ветви над его головой. И хотя вокруг журчал прозрачный ручей, зеленели изящные беседки и плакучие ивы, вся эта живописная идиллия казалась безжизненной и морозной. Любому случайному гостю сделалось бы не по себе от одного лишь приближения к этому месту.

Стоило старому дворецкому сделать первый шаг по вымощенной камнем дорожке, как Хо Фэнле разом открыл глаза.

Дворецкий бежал так быстро, что маленькая косичка, в которую была заплетена его седая борода, уморительно подпрыгивала на бегу. Запыхавшись, он замер на полпути и крикнул:

— Господин! Мы все разузнали! Он направился напрямик в игорный дом Лунсин!

<http://bllate.org/book/20542/2106568>